

Бібліографічні посилання

1. **Арнаутова Ю.** «От мемуарів до «історії пам'яті» Одиссей. Человек в історії. 2003 / гл. ред. А. Я. Гуревич. – М. : Наука, 2003.–447с.
2. **Еремеева Н. В.** Социальная память и экономические реформы в пост-советской Украине/ Н. В. Еремеева // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Сер. «Соціологічні дослідження сучасного суспільства методологія, теорія, методи». Вип. 17. – Харків, 2005. – С. 203–208.
3. **Колеватов В. А.** Социальная память и познание / В. А. Колеватов. – М. : Мысль, 1984.–190с.
4. **Лотман Ю. М.** Память в культурном освещении : в 2 т. / Ю. М. Лотман // Избр. статьи. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры.
5. **Ревзина О. Г.** Память и язык (Критика и семиотика). – Вып.10. – Новосибирск, 2006. – С. 10–24.

Надійшла до редколегії 06.01.11

УДК 16. 167.7

Ю. П. Емельянова

Севастопольский филиал Европейского университета

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ

Аналізуються теоретичні можливості сучасного гуманітарного знання щодо надання характеристики регіональним соціокультурним системам.

Ключеві слова: соціокультурна система, соціокультурна система регіона, соціальна динаміка, самоорганізація, соціальна теорія.

Анализируются теоретические возможности современного гуманитарного знания в изучении региональных социокультурных систем.

Ключевые слова: социокультурная система, социокультурная система региона, социальная динамика, самоорганизация, социальная теория.

The author analyzes theoretical predictions of modern humanitarian knowledge in region SCS study.

Keywords: social-cultural system, region social dynamics, self-organization, social theory.

Современная наука рассматривает общество как пространство, имеющее социокультурную природу. Практика освоения этого пространства подсказывает, что оно организовано в трех плоско-

стях, трехмерно. Его можно представить в виде иерархии: мир личности, сообщество региона, общество в целом. Судьба конкретного человека тесно связана со средним уровнем – регионом, и в нынешнюю эпоху гуманизации социальных отношений исследовательская литература отразила интерес к теоретическим и практическим основаниям регионального среза жизни человека. Регионами считаются различные по масштабам образования: континент, часть территории континента; отдельные государства; части государства. Примеры изучения факторов регионализации показывают, что исследователи в первую очередь отмечают такие объективные факторы как географические условия, природные ресурсы, динамику народонаселения, этнический и конфессиональный состав, трудовые ресурсы, государственное и территориальное устройство, экономико-географические и социально-экономические условия, отличие истории определенных регионов. В политологических исследованиях поднимаются проблемы региональной элиты и электоральных предпочтений населения [3, с. 60–62]. Для комплексного анализа региона все эти факторы, безусловно, важны, но явно недостаточны, поскольку не позволяют полностью раскрыть особенности региона и потенциальные возможности его социально-политической активности, что активизирует внимание ученых в направлении дальнейших исследований. Нам представляется, что обращение к современным методологиям изучения сложных системных объектов позволит приблизиться к решению проблемы регионов.

С позиций двух утвердившихся в XX ст. подходов – системного и социокультурного, – главным критерием позиционирования определенной территории в статусе региона является не ее размер, а совокупность определенных свойств, образующих отличительное, системное качество региональной социокультурной системы (СКС). В рамках Европы примерами регионов как СКС могут быть такие оригинальные, трудносравнимые социокультурные образования как Крым, Корсика, Карабах, Босния, Кипр, Страна Басков, Швейцария, Восточная или Западная Европа и т. п. Регион как мезоуровень «большого» общества требует как постоянного интегрирования (процессы глобализации), так и легитимной дифференциации в качестве оригинального, но полноправного социокультурного сообщества [11].

СКС региона мы понимаем как результат процесса исторического развития, то есть социального, культурного, экономического и политического освоения этносом или населением территории – определенной территории (региона) и становление его (этноса, населения) в процессе такого освоения. Закономерности формирования и функционирования СКС как фактора становления региона являются предметом нашего исследования. В рамках данной статьи мы продолжаем анализировать возможности современных методологий в изучении системообразующих факторов и динамики развития СКС мезоуровня (территории, региона).

Понимание нами сущности СКС близко к используемому в регионалистике операциональному понятию «историко-культурная зона» (ИКЗ). Это понятие, позволяющее охватить физико-

географические, климатические, исторические, хозяйственные, демографические и этнографические средства и методы описания ареала, – относительно замкнутой области с высокой стабильностью границ и коммуникационных связей (региона). Известен тот факт, что с течением времени ИКЗ приобретают все большую «отчетливость», становясь влиятельным фактором современной экономической и политической жизни. Регионалистика в рамках своих методов, учитывая культуuroобразующие факторы в жизнедеятельности общества, подошла к необходимости системного изучения объектов и процессов, объединенных общностью пространства и механизмом культурного синтеза. Одной из центральных задач регионалистики становится реконструкция ИКЗ и история их эволюции. При этом существенным моментом является создание целостной характеристики культуры постоянно воспроизводящей себя ИКЗ [9].

СКС и ИКЗ – понятия в определенной степени близкие, но не однозначные в своих возможностях обозначения особенностей региона. В первом из них указывается на системный характер феномена региона, на два фундаментальных основополагающих его элемента – социум и культуру. Такое понимание – шире, оно приближает нас к наиболее полной интерпретации региона средствами социально-гуманитарного знания как мезообщества, а не только как территориального, социального, культурного исторического, демографического, хозяйственно-экономического, политического и геополитического пространства.

Пограничный характер вопросов, касающихся формирования и функционирования социокультурных систем регионов, требует философского дискурса, в рамках которого задача изучения особенностей историко-культурных пространств может быть представлена такими формулировками: сущность СКС как пространственно-временного явления; факторы трансформации (смены) СКС в пространственно-временном континууме (в рамках региона как ИКЗ). Иначе говоря, экспликация важнейших системных качеств оригинального социокультурного пространства, закономерности смены одного социокультурного «поля», «пространства» другим в рамках единого географического ареала, выявление критериев качественно иных структурных состояний СКС (СКС-проект; СКС-матрица; СКС-лидер), – задача социальной философии. Безусловно, изучение сложных системных объектов требует ансамбля методологических средств и приемов, позволяющих исследовать различные уровни реальности, такие как индивид, социальная группа, общество в целом. Наряду с выделением антропологических составляющих социальной реальности мы должны учитывать тот факт, что социальное движение – это историческое освоение природного физического пространства. Освоение же пространство человеком – это всегда превращение его во внутреннее пространство общества со всегда оригинальной морфологией [7, с. 74]. Онтологические предпосылки для многоуровневого объяснения объектов социальной реальности приводят к поиску и соответствующих со-

вокупностей методов и приемов, традиционно используемых в социально-гуманитарных науках: истории, социологии, политологии, культурологии, психологии, гуманитарной географии, культурной антропологии, этнологии и других. Пытаясь охватить мысленно некий ряд методов и приемов, мы не можем забывать о предупреждении крупных современных мыслителей относительно зависимости методов от предметов, о соответствии методов предмету, «вырастании» из него, о взаимной корреляции предмета и методов [1, с. 76–79; 10, с. 450]. Так, общество как предмет исследования социологии в 30-е гг. XX в. (американское общество, в частности) вступило в стадию послекризисной стабилизации, стремясь в состоянии модерна, что в методологии отразилось в создании системы структурно-функционального анализа Т. Парсонса. В основу своего исследования Т. Парсонс положил представление о четырех основных функциональных потребностях действия индивида и соответствующих им подсистемах совокупной системы социального действия, универсально обобщив, абстрагировав социальную реальность. В историко-социологической перспективе функционализм воспринимается как дискурс «стабилизационного» сознания. Современная социальная практика нечасто является примерами стабильного общественного состояния, но все же прикладная методология, разработанная в рамках данного подхода, не утратила своей актуальности [5, с. 757]. В методологии структурно-функционального подхода мы можем найти ответы на некоторую часть сформулированных нами вопросов. Общество (в нашем случае – этническое территориальное сообщество) – система функционально взаимодействующих частей, связанных друг с другом и функционирующих так, чтобы поддерживать общественную целостность; это такое целое, части которого объединены в равновесное состояние, что обеспечивает его устойчивость на значительный период времени. Социокультурная целостность понимается как структура, каждый элемент которой выполняет определенную служебную роль в общей системе регуляции. Так, культура представляет собой интегрированную подсистему, в которой каждый элемент отвечает определенной потребности всей целостности (или тех или иных ее компонентов), выполняя конкретную часть работы. Дифференциация функций обеспечивается дифференциацией социальных структур, складывающихся в упорядоченную систему. Сохранение общества обеспечивается постоянным поддержанием всех элементов культуры: производственных навыков, ритуалов, норм, представлений, кастовых ограничений, верований и т. д. Эти элементы и некоторые другие, кажущиеся иррациональными, имеющими символический смысл, мотивируют социальные действия индивидов и создают целостный образ осмысленного мира. Того мира, в котором человек данного культурного сообщества может ориентироваться, и на который он сам или общность может оказывать определенное воздействие путем координации поведения своих членов.

Общество, по Парсонсу, изменяется упорядоченным образом, потому что функциональное единство его частей не допускает случайные или хаотические изменения. Механизм «движения истории», социальной трансформации Парсонс усматривал в действиях индивида, выделяя две особенности в организации личности как социальной подсистемы: пластичность – отсутствие генетической заданности ограниченного набора форм поведения, и восприимчивость – предрасположенность учитывать в своем поведении влияние других субъектов социального взаимодействия. Это не помешало Парсонсу в своих работах акцентировать упорядочивающую мощь всей структуры, гасящей социальные возмущения. Такое противоречие отмечали критики структурного функционализма, указывая на идеологическую ориентированность целостности, рассмотрение общества как стабильной интегрированной целостности, неспособность дать адекватное описание и анализ противоречий и конфликтов. Действительно, в теории Парсонса оставлены без внимания процессы генезиса социальных норм и ценностей, механизмы их изменения или исторической преемственности, избыточна абстрактность интерпретации функций социального действия. В рамках этой теории не может быть эффективно сформулирована идея конфликта ценностей или структур, а нормативно регулируемые социальные структуры не оставляют места коллективному поведению людей, чем всегда богата реальная история. Несмотря на указанные «недостатки» структурно-функциональный анализ – один из наиболее развитых подходов, задающий принципы исследования социокультурных явлений и процессов. Он продуктивен при изучении общества, культуры, личности, общности, института, организации (как системно-организованной структурной целостности, в которой каждый элемент имеет определенное функциональное значение). Вместе с тем, в методологии функционализма социальную общность (этническую, региональную СКС) мы можем рассматривать в ее статике, лишь воспроизводящей сложившиеся структуры и элементы, что противоречит социальной практике изучаемых обществ. Выясняется, что даже семейно-родственные структуры и связи – наиболее устойчивая основа социальной организации, – претерпевают заметные изменения и интегрируются в систему экономических и политических отношений. Изменениям подвергаются также представления, нормы и символы. Таким образом, структурно-функциональная методология позволяет исследователю ответить на многие вопросы, раскрывающие сущность социокультурных систем на одном из «срезов» их пространственно-временной организации. Обнаруживая и описывая устойчивые структуры и связи в локальном пространстве, изучая их длительность, непреходящую ценность во времени, мы можем составить представление о матрице, фундирующей социокультурный механизм, поддерживающий цивилизацию в границах СКС. Матрица должна включать изображение предмета в его инвариантном виде и конечной ситуации, характеристику генотипа и

положение в мире как целом. Ее построение предполагает и отбор сопоставимых параметров. По мнению профессора Чешкова М.А., *инвариант* – это набор признаков, характеризующих предмет со стороны качества; *генотип* – совокупность устойчивых признаков по важнейшим параметрам; *конечное состояние* – исчерпание системных качеств матрицы, их отрицание; *динамика* – изменение ряда признаков по существенным параметрам в процессе диахронного развития. Совокупность выделяемых параметров и их содержательно-выраженных признаков, располагаемых для инварианта вертикально, а для указанных других состояний горизонтально, и образует матрицу любой идеалтипической конструкции, в нашем случае – СКС региона [13, с. 94].

Регион в рамках институционального анализа (присущей социологии перспективе восприятия, описания и объяснения реальности) предстает институциональной целостностью, отдельным институтом, содержащим совокупность социальных, политических и экономических институтов. Институты – важнейшие элементы общественной структуры, – анонимные надличностные образования, которые поколения индивидов чаще всего застают уже присутствующими в социальном пространстве. Без их анализа невозможно получить целостное представление о предмете нашего внимания – СКС региона. Индивиды воспроизводят институты, утверждая их в качестве непоколебимых устоев всей социокультурной конструкции. Их повторяющиеся, не обязательно скоординированные действия всегда направлены на некий всеобщий образец, и этим обеспечивается не только континуальность общественных систем, но и невозможность их реверсивного, возвратного исторического движения. На нереверсивность как фундаментальное качество социальной системы, не позволяющее «истории замереть», указывает современный украинский социолог С. Макеев [8, 15]. Предметное поле понятия «институт» в социологии охватывает весьма широкий диапазон общественных образований. При этом неотъемлемой характеристикой социальных институтов признается в современной науке наличие определенных когнитивных составляющих. Так, У. Аутвейт утверждает, что институциональный порядок – это совокупность символов, к которым субъекты обращаются при объяснении ситуаций социального взаимодействия [2, с. 162]. Да и классик институционализма – Э. Дюркгейм отмечал, что институты предписывают не только то, как действовать, но и как чувствовать, понимать и объяснять свои действия и действия других.

Такая постановка вопроса направляет внимание на репрезентативные факторы формирования социокультурных особенностей регионов, обращение к таким малоизученным феноменам региональных СКС как региональное самосознание, региональная идентичность. Конец XX ст. принес углубление понимания взаимообусловленности культуры и развития, существования социокультурной динамики как неотъемлемой характеристики пространственно-временной парадигмы трансформации социального мира. Представляется, что социальные и культурные потоки формируют и

отражают меняющуюся социальную реальность, и сами реагируют на эти изменения, оказывая влияние на институциональный порядок обществ. Индивидуальное поведение путем трансляции культурных предпочтений объективируется в институциональный порядок. Размышляя подобным образом, мы попадаем в русло социокультурного подхода, в котором утверждается, что культурные установки проецируются на социальные институты, а культуроросозидающая деятельность направлена на поддержание и воспроизводство общественных отношений.

Фрагментация, «многоцветье» мира не исчезают при наступлении глобализации, а возникновение мощной сети общемировых связей не «отменяет» локальные культурные сети региональных пространств, сложившиеся на протяжении столетий. Регионы становятся предметом изучения в связи с присущим им качеством сохранения социокультурной неповторимости человеческого мира в пространстве своей социокультурной системы. Требуется уточнения характеристика того явления, которое обозначается как «свой мир», привычная (этническая, полиэтничная) среда, природное и социальное окружение в границах некоего пространства. В связи с этим в исследовании СКС представляется необходимым анализировать и микроуровень – динамику развития индивида, включенного в различные сообщества. Именно так, на наш взгляд, могут соединиться перспективы социологическая и психологическая, чего требует логика изучения человекоразмерных систем. В этом случае потребуются методы исследования, связанные с изучением психических факторов, развития самосознания и общественного сознания на микро – и мезоуровнях. На важность исследования особенностей и резервов человеческого потенциала на всех уровнях социокультурных систем указывает Т. И. Заславская [6].

Сложнейшим моментом в исследовании региона представляется динамика комплексного функционирования СКС региона (стадии и типы эволюции). Характер и масштабы смены процессов самоорганизации общества требуют нового качества их изучения, обоснования и прогнозирования. Говоря о трансформациях (а иногда и смене) СКС в рамках единого территориального ареала региона, мы фокусируем внимание на моменте бифуркационном, а значит, наряду с историко-генетическим, структурно-функциональным и структурно-композиционным анализом СКС мы должны обратиться и к возможностям синергетики, исследующей процессы самоорганизации сложных систем. Помня замечание В. А. Ядова о том, что устойчивому социуму, в основном, органичны количественные, а меняющемуся – качественные методы анализа, мы должны признать важность использования в исследовании математических и статистических методов. Это позволит уточнить статику и динамику социальных и культурных процессов в границах территорий – естественных и человекотворных. Соединяя и варьируя количественные и качественные методы анализа, можно выстроить своеобразный «коридор методических возможностей», позволяющий пробиться к смыслу изучаемого явления [12, с. 145].

Таким образом, задача – сложная, комплексная, системная. Оптимизируют ее факторы, которые работают на исследователя, в частности, степень «зрелости» объекта, достижение им в своем развитии состояния, позволяющего применять по отношению к нему определенные понятия и методы. К факторам, которые усложняют исследование, можно отнести гносеологическую специфику социального познания, одной из особенностей которого является взаимодействие собственно научного исследования и обыденного сознания, «здорового смысла», различных ненаучных форм ценностного сознания. Обыденное практическое сознание неизбежно влияет на различные стороны социального познания, и данное обстоятельство невозможно игнорировать при использовании методологических приемов изучения социальной реальности. Так, введение в философскую проблематику понятия социокультурного пространства может активизировать упрощенное понимание примордиалистских факторов. Все же можно надеяться на «приращение» теоретического знания в рамках современных методологий при движении знания от сущности первого порядка к сущности второго, третьего порядков и т.д. Соответственно выдвигаются и определенные методологические требования к объяснению социальных объектов. Тенденцией теоретического знания становится усиление внимания к факторам социальной самоорганизации. В них видится исследователям суть социокультурных пространственно-временных феноменов, они лежат в основе процесса их формирования, функционирования и трансформации, в том числе и смены СКС в рамках региона как ИКЗ [4, с. 6].

Библиографические ссылки

1. Адорно Т. В. К логике социальных наук Т. В. Адорно // *Вопр. филос.* – 1992. – № 10. – С. 76–79.
2. Аутвейт У. Действие, структура и философия реализма / У. Аутвейт // *Социо-Логос.* – М.: Прогресс, 1991. – С. 159–169.
3. Белова В. Я. Регионоведение. Регионообразующие факторы / В. Я. Белова // *Социально-гуманитарные знания.* – 1999. – № 2. – С. 57–67.
4. Бурлачук В. Еще раз к вопросу: «Что такое общество?» / В. Бурлачук // *Социология: теория, методы, маркетинг.* – 2006. – № 1. – С. 5–19.
5. Овчаренко В. И. Структурно-функциональный анализ / В. И. Овчаренко // *Всемирная энциклопедия: Философия XX век* / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, современный литератор, 2002. – С. 756–759.
6. Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т. И. Заславская // *Общественные науки и современность.* – 2005. – № 3. – С. 5–16.
7. Кононов И. Социология и проблемы пространственной организации общества / И. Кононов // *Социология: теория, методы, маркетинг.* – 2004. – № 4. – С. 57–78.
8. Макеев С. Социальные институты: классические трактовки и современные подходы к изучению // *Социология: теория, методы, маркетинг* / С. Макеев. – 2003. – № 4. – С. 5–20.

9. Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – 392 с.
10. Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. / К. Поппер – М., 1992. – Т. 2.
11. Степин В. С. Теоретическое знание / К. Поппер. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
12. Форум методологов: VI Харчевские чтения // *Социологические исследования.* – 2005. – № 2. – С. 144–147.
13. Чешков М. А. Дореволюционная Россия и Советский Союз: анализ преемственности и разрыва / М. А. Чешков // *Общественные науки и современность.* – 1997. – № 1. – С. 92–104.

Надійшла до редколегії 17.01.11

УДК 111.84

Ю. В. Еременко

Восточноукраинский национальный университет
имени Владимира Даля (г. Луганск)

БЕЗОБРАЗНОЕ В ЗЕРКАЛЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭСТЕТИКИ: ДВЕ ОСНОВНЫЕ ТРАДИЦИИ

Аналізуються філософсько-естетичні погляди на потворне в їх історичній динаміці та взаємозв'язку із загально філософською традицією і художнім процесом. Зміни у смислового полі потворного розглядаються в контексті переходу європейської духовної культури від класичної до некласичної парадигми. Автор розрізняє дві традиції розуміння потворного – калістичну та антикалістичну. Смісловим базисом першої є ідея прекрасного, інша ґрунтується на ідеї потворного як самостійної сутності.

Ключові слова: Потворне, прекрасне, калістична традиція, антикалістична традиція.

Анализируются философско-эстетические взгляды на безобразное в их исторической динамике и взаимосвязи с общефилософской традицией и художественным процессом. Изменения в смысловом поле безобразного рассматриваются в контексте перехода европейской духовной культуры от классической к неклассической парадигме. Автор различает две традиции понимания безобразного – калестическую и антикалестическую. Смысловым базисом первой является идея прекрасного, вторая основана на идее безобразного как самостоятельной сущности.

Ключевые слова: Безобразное, прекрасное, калестическая традиция, антикалестическая традиция.